

Онищенко М. Ю.,

Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля, м. Дніпропетровськ

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ РАННЕГО ТВОРЧЕСТВА ЖОРЖА ПЕРЕКА (на примере романа “Вещи”)

Покладаючись на ідейно-естетичну позицію самобутнього французького письменника другої половини ХХ століття Жоржа Перека, зроблено спробу проаналізувати деякі особливості поетики одного з його програмних романів “Речі”.

Ключові слова: Ж. Перек, “новий роман”.

Опираясь на идейно-эстетическую позицию самобытного французского писателя второй половины ХХ столетия Жоржа Перека, предпринята попытка проанализировать некоторые особенности поэтики одного из его программных романов “Вещи”.

Ключевые слова: Ж. Перек, “новый роман”.

The article attempts to analyse some poetic peculiarities of the novel “Things” written by George Percec, the unique French author of the second half of the XX th century, taking into consideration his ideologic-aesthetical position in this subsequent novel.

Key words: G. Percec, “new novel”.

Среди французских писателей последней трети ХХ столетия Жорж Перек (1936–1982 гг) является одним из самых признанных и самобытных, хотя его имя по сей день остается практически неизвестным широкой читательской аудитории, особенно отечественной, несмотря на исключительную оригинальность и огромное влияние, которое оказало его творчество на культурный авангард Франции последней трети ХХ века.

Довольно затруднительна историко-литературная классификация Ж. Перека. Это связано с рядом причин и, прежде всего, с его “универсальностью” и писательской “максимой”, которая заключалась в честолюбивом желании “написать все то, что вообще может писать человек сегодня: книги, романы и стихи, драмы, оперные либретто, книжки детективные и приключенческие, научную фантастику, романы с продолжением, книги для детей...” [15, с. 12-13]. Именно поэтому за свою более чем двадцатилетнюю творческую деятельность писатель “исследовал” всевозможные творческие сферы: в его литературном “активе” – рассказы и липограмматические поэмы; романы, автобиографические повести и эссе, теле- и радиопостановки музыкальных пьес, переводы сочинений американского писателя Г. Мэтьюза, критические статьи и очерки в различных периодических изданиях. Он был автором работ освещавших деятельность и поэтико-эстетические позиции группы УЛИПО – l’Ouvroir de Littérature Potentielle – Мастерской Потенциальной Литературы – авангардного творческого объединения, членом которого Ж. Перек стал в 1966 г. Большое количество трудов писателя было опубликовано уже после его преждевременной смерти – жизнь Перека оборвалась в мае 1982 г. Книги и переизданные работы продолжают выходить по сей день, что, несомненно, свидетельствует об интересе к его творчеству. Усложняет критическое переосмысление работ Ж. Перека и тот факт, что произведения писателя выходят в свет с 60-х по 80-е гг. ХХ ст., в наиболее противоречивый и полемичный период для всей французской культуры. Именно в это двадцатилетие происходил отказ от всей системы стереотипов практически во всех сферах жизни Франции, что, естественным образом, отразилось и на литературном процессе того времени. Поэтому в творчестве Ж. Перека отмечается не только связь со всеми основными философско-эстетическими направлениями указанного периода, но и прослеживаются этапы, которые так или иначе отражают историю развития французского романа 60 – 80 х гг. вплоть до постмодернистских его модификаций.

Хотя интерес критики к творчеству Перека был не всегда одинаков, практически ни одно из его произведений не осталось без внимания литературно-критической мысли, и имя писателя заняло достойное место в литературоведческих исследованиях [9; 14; 18; 22]. Однако, несмотря на высокую оценку творчества писателя во Франции, обилие рецензий, газетных и журнальных статей о его работах, большинство критиков ограничиваются лишь указанием на особую повествовательную манеру писателя, не раскрывая характерные для автора имманентные индивидуальные особенности.

Поэтому представляется интересным, опираясь на основные положения идейно-эстетической позиции Жоржа Перека, рассмотреть некоторые особенности поэтики раннего творчества этого самобытного автора (на примере романа “Вещи”) и выявить типологические связи с основными литературными тенденциями Франции 60-х годов ХХ ст.

Собственно литературный дебют был для Перека непростым. Его первые романы “Преступление в Сараево” и “Авантюрист”, написанные в период с 1957 по 1961 гг. были неприняты издательствами к печати. Творческая ситуация резко изменилась в 1965 году, с появлением нашумевшего романа “Вещи” (Les Choses), который был удостоен премии Теофасти Рендо, что сразу предрекло книге большой тираж. Большое количество статей и рецензий касались оценки его произведений, написанных между 1963 – 1970 годами, что объясняется повышенным вниманием литературы того времени, и французской в особенности, к двум проблемам: языка и материи. Именно они стали для молодого писателя основным предметом художественно-эстетического осмысления на данном этапе. Кроме того, конец 50-х–60-е годы – это период активного наступления “нового” и “новейшего романа”, господства “неоавангардистского экспериментаторства”. Неудивительно, что критика (в первую очередь, отечественная) с легкостью определила место начинающего писателя среди наиболее одаренных последователей А. Роб-Грийе и М. Бютора. По мнению российского литературоведа Н. Ржевской,

текст романа «Вещи» может быть представлен в качестве «новороманной» модели: действие почти полностью отсутствует; нет четко зафиксированного внешнего облика персонажей, поскольку они интересуют автора с точки зрения воплощения определенного типа социального поведения, а не как индивидуальные человеческие характеры; описание вещей занимает в романе центральное место [24, с. 347]. Разделяют эту точку зрения французские исследователи Э. Амон и И. Бомати, также отмечая, что следы влияния «нового романа» наиболее заметны в романе «Вещи», где точная, до предела детализированная инвентаризация реальности, как новый способ наррации, перекликается с моделями «нового романа» [1, с. 86]. Однако, следует отметить, что в отличие от «новороманов» перековское скрупулезное воспроизведение окружающего материального мира, гиперреалистичное описание бесконечного множества вещей явилось особым «техническим» приемом, ставшим впоследствии «фирменным знаком» перековского стиля, а не ориентиром в эстетике писателя. В частности, на этот факт указывает французская исследовательница Франсин Дюгаст-Портес в монографии, посвященной рассмотрению феномена французского «нового романа». Как считает исследовательница, Ж. Перек хотя и не принадлежит ни к «новым романистам» ни уж, тем более, к «новейшим романистам», тем не менее имеет с ними определенные, «лежащие на поверхности» общие черты, что позволило многим критикам весьма опрометчиво относить ранние произведения Ж. Перека к вышеназванным направлениям. Так, например, достаточно вспомнить, что супружеская чета Жерома и Сильвии в «Вещах» представляет вполне конкретный тип дегуманизированных, овеществленных персонажей, весьма характерных для конвенции героя «нового романа» [7, с. 44]. Элен Сабба также дистанцирует «новороманов» и Ж. Перека. Критик настаивает на том, что в культурной жизни Франции 60-х гг. четко обозначились новые ориентиры, отражающие социальные феномены. С одной стороны, это, действительно, «новый роман», демонстрирующий отказ от традиционных структур (нет больше ни истории, ни персонажа, ни нарратора). Но с другой стороны, образовался целый ряд писателей (к которым исследовательница относит Перека, Кено, Тардьё), которые боролись с интеллектуальным конформизмом путём виртуозного использования формальных правил [6, с.393].

На скрытое, незаметное на первый взгляд, отличие Перека от «новых романистов» указывает и профессор Анри Леметр. Ученый считает, что если внимательно проанализировать и сравнить «Вещи» с произведениями того же А. Роб-Грийе, то становится понятным, что «... эта явная формалистская виртуозность в большей степени лишь маска... «Роман» у Перека – это нечто «надроманное», тщательно просчитанное, исходящее из игры и окружающего универсума, это способ отразить двойственность взаимоотношений человека и окружающего его мира: с одной стороны это отношение игровое, полученное путем дезангажирования письма по отношению к описываемому материалу, с другой – жизненное отношение, которое передается обратным способом, путем тщательного введения в текст реалистического материала. «Вещи» – на первый взгляд типично классический роман – с подзаголовком «история 60 годов» – но уже в нем намечается присутствие некоего дополнения к роману, который через дескрипцию и наррацию порождает особую риторику, абсорбирующую и поглощающую собственно романский материал, но все-таки не уничтожает его...» [10, с. 589].

Еще в начале 60-х гг. Ж. Перек так определил свое отношение к функции литературы: «... литература начинается тогда, когда посредством языка и в языке начинается такая трансформация, не всегда очевидная и мгновенная, которая позволяет индивидууму осознать себя, отображая мир и обращаясь к другим индивидам...» [16, с. 114]. Как справедливо заметил Т. Бейль, в отличие от «новороманов» Перек не просто принимал реальность, а стремился ее познать и объяснить, стремился к реализму как специфическому коду художественной условности, поскольку художественный принцип «все как в жизни» – не единственная форма реализма...» [2, с. 92]. Ж. Бодрийяр также указывает на то, что в «Вещах» «перед нами – мир потребления», однако подчеркивает не критицизм писателя, а абстрактную комбинацию знаков в описании этого мира [19, с. 166].

«Вещи» можно рассматривать как программный роман Жоржа Перека еще и по той причине, что в нем, как тонко подметила Н. Т. Пахсарьян, обозначились свойства, которые сохранила перековская манера при всех «извивах литературной эволюции писателя: прежде всего, желание синтезировать игровую концепцию письма с гиперреалистичностью описаний и нейтральностью стиля». [23, с. 231-232].

О неприятии Переком концептуальных постулатов представителей «новороманного» направления и иных эстетических позициях свидетельствует и другой факт. Между 1959 и 1963 гг. сформировалась небольшая группа молодых литераторов (Э. Морин, Ж. Дювино, Ж. Перек, и др.), которые объединились с целью создания журнала т. н. «левой культуры» – «Общее направление» (*La Ligne générale*) – (название заимствовано у одного из фильмов Эйзенштейна), в котором бы освещались теоретические и практические литературные искания (дискуссии, переписка, отзывы на кинематографические работы и литературные статьи, авторские сочинения и т.п.), призванные развенчать все то, что, по мнению членов группы, представляло литературный формализм того времени. Журнал так и не вышел в свет, лишь некоторые выдержки из предполагаемых к печати статей были опубликованы в журналах «*Partisans*», «*La Nouvelle Critique*» и «*Clarté*». Основные задачи «*La Ligne générale*» были сформулированы весьма радикально: «все начать сначала», «должна родиться новая литература» и для их решения выдвигался целый ряд требований. Основопологающим было требование «реализма», что, как известно, не являлось новизной, однако речь шла о литературе, которая, не попадая в сети правдоподобия или натурализма, могла бы отразить сложность и двойственность общества, социальной реальности (*réalité social*). Французский литературовед К. Бюржелен (входивший в вышеназванную группу) в одной из наиболее полных и авторитетных монографий, посвященной жизни и творчеству Ж. Перека, так определил цели и ориентиры издания: «... в тот момент, когда литература, казалось, заперта в тупике между формализмом «нового романа», мифами абсурда и высокопарными западными размышлениями о Боге, Человеке и Судьбе, «*La Ligne générale*» искал способ насытить свои потребности: это высокая традиция романа великих

авторов (от Кафки до Томаса Манна, от Свифта до Малкольма Лоури) или самые оригинальные “находки” издательства “Галлимар” (Ларбо, Жид, Лейрис, Кено); наиболее интересное из американской культуры (юмор, кинематограф, джаз, научная фантастика и пр.); некоторые, поистине грандиозные находки общественных наук. Таким образом, в целом, это была великолепная школа формирования вкуса...” [4, с. 239]. Именно тогда формировался базис поэтики Ж. Перека, именно отсюда, по нашему мнению, берет начало перековское маниакальное перечисление – художественная “чара” (по выражению М. Бютора “hantise”) – “удивительная власть наделять присутствием отсутствующие предметы” [цит. по 8, с. 23] или, если выразиться более филологически, специфический код, манера письма. Показательна в этом плане заключительная фраза из романа “Вещи”: “... способ является частью истины также, как и результат. Необходимо, чтобы поиск истины оказался действительно верным; подлинный поиск это развернутая реальность, в которой отдельные составляющие объединяются в результат...” [цит по 5, с. 14].

“Канцелярская”, дотошная манера письма скорее сближают Ж. Перека с Францем Кафкой. Практически прямая апелляция к признанному корифею модернизма возникла еще в 1967 г., после публикации в “Летр Нувель” романа “Человек, который спит” [3, с. 47]. Подобно герою “Процесса” Йозефу К., безымянный студент Перека “терял веру в самого себя” и даже более, как “посторонний” Камю, сознательно отторгал себя от общества, от любых видов общественной деятельности. Но человек не может полностью убить в себе “социальное начало” – полемизирует с Кафкой и Камю Перека. Его герой “свободен как корова, как устрица, как крыса”, ему приходится рассчитывать каждый сантиметр – свобода ограничена бедностью студента, а кажущееся одиночество призрачно – героя узнают соседи, прохожие на улице, с ним здороваются, его отдельность от мира мнима, это самообман. Как справедливо замечает российский литературовед Л. Зонина, экзистенциалистскому человеку, заброшенному во враждебный ему мир, Ж. Перека противопоставил будничную прозу совместного сосуществования человека и общества, в котором герой сможет найти в себя [20, с. 160].

Таким образом, ранние романские произведения писателя отличает особая художественная специфика. Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые отводят Ж. Переку особое, сингулярное место во французской литературе второй половины XX ст [4; 12; 17]. Так, например, американец Г. Мэтьюз определяет группу писателей, которая из-за их оригинальности, непохожести несоотносима ни с одним живым или уже покойным автором. Общепризнанными гениями в этой группе есть Франц Кафка и Раймонд Руссель, но Мэтьюз причисляет к ним и Перека [12, с. 14]. Ж.П. Сальга – один из наиболее авторитетных французских литературных критиков – справедливо назвал Жоржа Перека редчайшим прототипом автора, “Ж. Ромэн и Ф. Кафка в одном лице” [17, стр 36]. Но наиболее меткое определение Переку – писателю дал, по нашему мнению, Итало Кальвино: “...одна из самых своеобразных в мире литературных индивидуальностей с точки зрения абсолютной непохожести на кого-бы-то ни было...” [цит. по 17, с. 14]. Подобный феномен объясняется исключительно отношением самого писателя к творческому процессу, который у Жоржа Перека оказался неотделимым от всей его жизни, вписанным в нее. Еще в самом начале своей писательской деятельности, в 1957 г., в одном из писем известному французскому литератору Морису Надо, ставшему впоследствии первым издателем и большим другом писателя, Ж. Перека признался, что писать и жить для него означает одно и то же: “...Я намеревался совсем перестать писать, но думаю, что это выше моих сил...я верю, что могу писать, я знаю, что, во всяком случае, это для меня единственный способ примириться с самим собой и с миром, быть счастливым или, проще говоря, жить...” [13, с. 431].

Література:

1. Amon E. Grandes œuvres de littérature française / E. Amon, I. Bomati. – Paris: Larousse, 1997. – 320 p.
2. Bayle Th. Perec romancier // Magazine littéraire. – 2002. – № 408, Avril – p. 89-96
3. Beaumatin E. Écrivain et juif // Magazine littéraire. – 1993. – № 316, Décembre – p. 45-56
4. Burgelin C. Georges Perec / C. Burgelin. – Paris: Seuil, 1988. – 256 p.
5. Burgelin C. Perec G. L. G. Une aventure des années soixantes / C. Burgelin. – Paris: Seuil, 1992. – 190 p.
6. Doucey B. Littérature 2nde. Textes et méthode, nouveau bac 96 / B. Doucey, A. Lesot, H. Sabbah, C. Weil. – Paris: Hatier, 1996. – 447 p.
7. Dugast-Portes F. Le Nouveau Roman: une césure dans l’histoire du récit / F. Dugast-Portes. – Paris: Nathan, 2001. – 244 p.
8. Furst Lilian R. All is True. The Claims and Strategies of Realist Fiction. / L.R. Furst. – London: Duke University Press, 1995. – 213 p.
9. Lagarde A., Michard L. XX siècle. Les grands auteurs français / A. Lagarde, L. Michard. – Paris: Seuil, 1999. – 896 p.
10. Lemaître H. Dictionnaire Bordas de littérature française et francophone / H. Lemaître. – Paris: Bordas, 1985 – 850 p.
11. Magné B. Georges Perec / B. Magné. – Paris: Nathan, 1999. – 129 p.
12. Mathews G. Le catalogue d’une vie // Magazine littéraire. – 1983. – № 193, Mars. – P.14-20.
13. Nadeau M. Grâce leur soient rendues / M. Nadeau. – Paris: Albin Michel S.A., 1990. – 481 p.
14. Parayre M. Formes de l’énigme dans La Disparition de Perec / Écrire l’énigme / Ch. Reggiani, B. Magné, dir. – Paris: Presses de l’Université Paris-Sorbonne, 2007. – 347 p.
15. Perec G. Pensar / Clasificar / G. Perec. – Barcelona: Gedisa, 2001. – 128 p.
16. Perec G. Robert Anthèlme ou la vérité de la littérature / G. Perec L. G. Une aventure des années soixante. – Paris: Seuil, 1992. – p. 87-114
17. Salgas G.P. Romain français contemporain / G. P. Salgas A. Nadaud, G. Schmidt. – Paris : Seuil, 1997. – 176 p.

18. Андреев Л. Г. Чем же закончилась история второго тысячелетия (Художественный синтез и постмодернизм) / Л. Г. Андреев // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000 – 2000: Учеб. пособие / [Л. Г. Андреев, Г. К. Косиков, Н. Т. Пасхарьян и др.]; под ред. Л. Г. Андреева. – М. : Высш. школа, 2001. – С. 292-334.
19. Бодрийяр Ж. Система вещей; [пер. с фр. С.Н. Зенкина] / Ж. Бодрийяр. – М. : Рудмино, 2001. – 224 с.
20. Зонина Л. А. Тропы времени: заметки об исканиях французских романистов (60 – 70-е гг) / Л. А. Зонина. – М. : Художественная литература, 1984. – 263 с.
21. Кислов В. Переводить “Исчезание” // НЛО. – 2010. – № 106 [Электронный ресурс]. – Режим доступа до журн.: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/ki26.html>
22. Князев С. Жорж Перек: триумф ожившего слова // Русская мысль. – 2005. – С. 9-11.
23. Пахсарьян Н.Т. От модернизма “Вещей” к постмодернизму “Шмоток”: Жорж Перек и Кристина Орбан // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы Пярых Андреевских чтений. Под редакцией Н.Н. Андреевой, Н.А. Литвиненко и Н.Т. Пахсарьян. – М. : Экон-Информ. 2007. – С. 231-238.
24. Ржевская Н.Ф. Литература 60-х годов // История французской литературы. – Москва: Наследие, 1995. Т. 5: Французская литература 1945-1990. – 1995. – 928 с.